ИСЛАМИСТСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ В ЮЖНОМ РЕГИОНЕ: СПЕЦИФИКА И МЕХАНИЗМЫ ПРОФИЛАКТИКИ

© А. Ю. Круглова

ЮФУ, Ростов-на-Дону, Россия

В статье автором раскрывается сущность религиозного исламистского экстремизма на территории Юга России: его цель, формы, а также деятельность исламистских сетевых структур. Подчеркивается, что главной задачей адептов религиозного экстремизма является признание своей религии господствующей среди других путём принуждения к своей системе ценностей и догмам. Кроме того, автором уточняется, что исламистский экстремизм в южном регионе стал следствием сложного комплекса противоречий в религиозной и политической сферах, которые стали предтечей социально-экономического кризиса, сложной этнополитической и конфессиональной обстановки. В статье также приводятся этапы трансформации исламистских религиозных организаций, начиная с 1991 года (начало первой чеченской кампании) – по настоящее время, когда указанные структуры видоизменялись от подпольных ячеек к открыто действующим вооруженным формированиям. Ввиду экономии средств и политической обстановки, современные исламистские организации не оформляются в многоуровневые ячейки: их используют как банды-однодневки для разовой акции. Автор рассматривает социальную базу исламистских структур, указывая на участие в ней молодых людей из социально обеспеченных семей, так и из бедных слоев населения. В конце приводятся меры профилактики и противодействия противоправной деятельности исламистских сетевых структур.

Ключевые слова: исламистский экстремизм, идеология, радикальный ислам, Юг России, «такфир», «джихад».

Экстремизм представляет собой приверженность к крайним взглядам и действиям, которые отрицают имеющиеся в обществе нормы и правила, с целью переустройства мира в соответствии с религиозными взглядами. Данный феномен ведет к угрозе безопасности мирового сообщества как совершаемыми противоправными поступками, так и полным разрушением общепринятых человеческих ценностей и прав.

Согласно авторитетному мнению С. Н. Борисова, под экстремизмом, с точки зрения гуманитарной науки, понимают совокупность антисистемных и антиправовых форм деятельности, как отдельных социальных субъектов, так и целых групп, базирующихся на религиозном опыте. При этом данный опыт одновременно представляет собой и результат, и предпосылку для создания негативного восприятия действительности. Это, в свою очередь, создает усиление требований трансформации

социального устройства с радикальных позиций. Необходимо отметить, что религиозный экстремизм, как и любая другая форма экстремистских действий в современном мире, отличается многоликостью, а также масштабностью действий; усилением жесткости и изощрённости форм; расширением разнообразия способов совершения преступлений и использованием последних научно-технических достижений [2].

Религиозный экстремизм – явление социальное, которое зиждется на базе трех форм [3]:

- 1) *состояние сознания*, как общественно-го, так и индивидуального, для которого характерны нигилизм и религиозный фанатизм;
- 2) *идеология*, как религиозная догма, которая характеризуется объяснением проблем существующего мира и разделением мира на «добро» и «зло», игнорирующая ценности и морально-этические нормы;

3) *совокупность действий*, реализующих религиозные доктрины.

Адепты религиозного экстремизма отличаются одержимостью сознания правоты, законности своих действий и требований, которые трактуют многообразие жизненных ситуаций и процессов через призму радикальной идеологии. История знает случаи достижения такой цели непозволительными для общества средствами, которые были использованы и оправданы лидерами религиозного экстремизма.

Религиозный экстремизм проявляется в случае, когда одна социальная структура, разделяющая вышеперечисленные установки, начинает создавать почву для угрозы жизни и безопасности граждан, используя физическое и психическое насилие. В этом случае радикально настроенная группа людей относит религиозных верующих, исключая своих адептов, к «неверным». Данная ситуация разрушает духовные и социальные отношения между данной группой и обществом.

Отличительной характеристикой религиозных экстремистских структур является наличие в них фактически двух организационных форм – открытой и законспирированной. Такое положение дел облегчает им маневренность, помогая быстро менять методы деятельности при изменении ситуации [2].

Главной задачей адептов религиозного экстремизма является признание своей религии господствующей над другими конфессиями, посредством принуждения к своей системе ценностей и догмам. Радикальные экстремисты ставят во главу угла создание государства, где правовые нормы будут заменяться нормами религии, объединяющей всё население, которое проживает на определенной территории.

Социальную базу религиозного экстремизма составляют маргинальные социальные группы, испытывающие чувство неудовлетворенности своим социально-экономическим положением, неуверенные в своем будущем, опасющиеся подрыва или утраты своей национальной или конфессиональной идентичности. Религиозный экстремизм, как и другие деструктивные феномены в обществе порождают социально-экономические проблемы, такие

как безработица, резкое падение финансового уровня жизни людей. Подобные негативные социально-политические трансформации приводят к недоверию общества властью, национальному гнёту и дискриминации населения [6]. Кроме того, экстремизм, прикрывающийся религиозными лозунгами, создает почву к появлению и эскалации межэтнических и межконфессиональных конфликтов. Таким образом, лидеры этнократических элит используют религиозный фактор для достижения своих корпоративных целей и удовлетворения личных политических амбиций.

Религиозный экстремизм имеет разную идеологическую окраску. В данной научной статье речь будет идти об исламистском религиозном экстремизме, идеи которого распространены во многих субъектах Российской Федерации, где ислам является традиционной религией. Надо отметить, что практически во всех российских регионах, где проживает население, исповедующее ислам (Северный Кавказ, Татарстан, Башкортостан, Поволжье, Мордовия, Нижегородская и другие области), существуют риски для возникновения внутриконфессиональных конфликтов. В Российской Федерации, странах центральной Азии исламистский экстремизм возник в результате зарубежного влияния [8].

Исламистский экстремизм на Юге России стал следствием сложного комплекса противоречий в религиозной и политической сферах, что привело к ухудшению социально-экономического положения в регионе; сложной этнополитической ситуации; заинтересованности внешних сил в дестабилизации обстановки в регионе; идеологическому и духовно-нравственному кризису; столкновению населения на почве межнациональных и межконфессиональных отношений; криминализации различных сторон жизни общества; коррупции, организованной преступности; неопределенности политики федерального центра в отношении региона и отдельных субъектов.

Исламистский экстремизм имеет свое выражение в ваххабизме и салафизме. В основе идеологии радикального исламизма, благодаря которой взаимодействуют деструктивные исламистские структуры, лежат два конструкта

– «такфир» (обвинение в неверии всех тех, кто не разделяет эту идеологию) и специфическим способом интерпретируемый «джихад» («священная война за веру»). По замыслам адептов этой идеологии, главной целью джихада является построение исламского государства и организация общественных отношений на основе законов шариата [4].

Мировые исламские ученые-богословы уверены, что именно неверное толкование дефиниций «джихад», «такфир» и «халифат» приводит к радикализации исламского населения. Экстремисты намеренно неправильно интерпретируют смысл религиозных канонів, искажая их суть и нравственное наполнение. Так, «джихад» в классическом исламе интерпретируется как усердие на пути к исламу, «такфир» – обвинение в неверии и выходе из исламского общества истинных неверующих и, соответственно, «халифат» в священном Коране трактуется как историческая концепция исламской государственности. Мусульманская религия не имеет ничего общего с экстремизмом и терроризмом: Коран и Сунна не оправдывают насилие и смерти для достижения политического результата [4].

Стоит отметить, что исламисты для достижения своей цели используют самые разнообразные по характеру своей деятельности методы: умеренно-радикальные и ультра-радикальные. Такая классификация носит условный характер, так как не все исламистские структуры могут быть отнесены к тому или иному типу, поскольку во многих организациях присутствует и радикальная, и умеренная составляющая. Подчеркнем, что умеренно-радикальные исламистские организации на Юге России предпочитают эволюционный, бескровный метод, в то время как ультра-радикальное крыло открыто ведет вооруженную борьбу за захват власти и не идет с ней на диалог. Умеренно-радикальные исламистские сетевые структуры подразделяются на легальные, нелегальные и полуправовые [5]. Большинство нелегальных умеренных структур применяют насилие во всех его формах. В таком ракурсе они не имеют отличия от ультра-радикальных организаций. В настоящее время легальные исламистские экстремистские структуры на

территории Российской Федерации полностью ликвидированы. Также силовыми структурами были закрыты филиалы многочисленных исламских международных благотворительных фондов, оказывающие финансовую и организационную помощь исламистским экстремистским структурам. В этой связи, представители данных организаций перешли в подпольную нелегальную форму своей деятельности.

Процесс радикализации исламистских экстремистских структур на Юге России прошел в несколько этапов. Рассмотрим каждый из них.

Первый этап образования данных структур совпал с разворачиванием первой чеченской кампании (1994-1996 гг.). Основной характеристикой этого периода стало совместное участие иностранных боевых и радикальных структур Северного Кавказа в рядах чеченских боевиков.

Второй этап ознаменовался разворачиванием на территории Юга России второй чеченской войны (1999-2007 гг.). После полного уничтожения незаконных вооруженных формирований в Чечне в начале 2000-х годов исламистские структуры начинают образовываться в сетевым образом оформленные организации. Именно в этот период наблюдается процесс «растекания джихада» в южном регионе.

Третий этап (2007-2013 гг.) характеризуется приходом к власти в 2007 г. чеченского сепаратиста Д. Умарова, который был провозглашен амиром виртуально существующего государства «Имарат Кавказ» («Кавказский Эмират»). Деятельность указанной террористической организации запрещена на территории Российской Федерации. После уничтожения боевиков «Имарат Кавказ» и его лидера в конце 2013 г., многие экстремистские структуры присягнули на верность масштабной международной сетевой организации «Исламское государство», также запрещенной на территории Российской Федерации. Пополнив её социальную базу, исламисты осуществляют свою деструктивную деятельность в субъектах ЮФО и СКФО.

Четвертый этап (2013 г. – по настоящее время). Последние пять лет фиксируется сокращение социальной базы исламистских экстремистов на территории Юга России. По

словам официального представителя НАК А. Пржездомского, в настоящее время боевикам невыгодно материально поддерживать многоуровневую ячеистую сетевую организацию. Поэтому в деятельности исламистских групп появился феномен – «банды-однодневки». Их предназначение заключается в организации разовых экстремистских атак, которые не будут связаны с другими организационными ячейками. Участники таких группировок не считаются профессиональными террористами, поскольку для осуществления одной разовой подрывной акции используют молодых людей, не имеющих опыта и привлекаемых посредством сети Интернет [7].

Такая исламистская организация, как «Вилайят Кавказ», запрещенная на территории Российской Федерации, относится к современным сетевым организациям. Социальный состав этой исламистской структуры весьма разнообразен. В её состав входит молодежь, которая по определенным причинам, как правило социально-экономическим, не может удовлетворить свои потребности: получить высшее, а подчас и начальное образование, устроиться на перспективную работу, создать семью и быть воспитанным в полной семье, приобрести отдельную квартиру. Однако социальный состав таких исламистских организаций пополняют образованные и обеспеченные молодые люди. Лидерами современных сетевых исламистских организаций приветствуется молодежь, получившая медицинское образование, необходимое для оказания помощи раненым боевикам, а также для транспортировки человеческих органов в зарубежные страны. Кроме того, высоко ценятся «кадры» имеющие образование в сфере IT-технологий, необходимое для осуществления пропагандистских приемов исламистских ценностей в сети Интернет [5].

Подводя итог, следует отметить, что рели-

гиозный исламистский экстремизм представляет собой сложное многоуровневое явление, выражающееся в осуществлении подрывной деятельности сетевых исламистских структур. Изучение данного феномена будет всегда актуально, поскольку при определенной политической ситуации антироссийские силы будут использовать возможности данных структур для осуществления своих целей. В этой связи, в арсенале российских властей должен быть проработан механизм противодействия, заключающийся в комплексном подходе к решению проблемы. Это связано, прежде всего, с исторической, этнической, ментальной и религиозной спецификой народов, проживающих на территории России, в особенности на Северном Кавказе [8].

Стоит отметить, что в концепцию борьбы с исламистским экстремизмом необходимо ввести корректировку, не ограничившись в использовании силовых и административных методов, делая упор на развитие культурных, образовательных, политических, экономических, социальных и других форм, методов противоборства и профилактики.

Главным недостатком антиэкстремистской системы на территории Российской Федерации становится слабое взаимодействие с гражданскими общественными структурами, а также отсутствие четкой организованности в борьбе с экстремистскими организациями среди населения страны.

Таким образом, эффективное противостояние экстремистским исламистским религиозным структурам имеет место быть при условии интеграции усилий гражданского общества, государственных институтов, наступательного информационного противодействия и наличия государственной поддержки со стороны мусульманского духовенства и представителей гражданского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абишева М., Шаймергенов Т.* Религиозно-политический экстремизм в странах Центральной Азии: анализ причин распространения // Центральная Азия и Кавказ. 2006. № 6 (64). С. 52.
2. *Безбородов М. И.* Профилактика религиозного экстремизма как важная составляющая сохранения мира и обеспечения безопасности // Петрозаводский государственный университет. 2012. № 1. С. 1-7.

3. *Борисов С. Н., Римский А. В.* Культурно-исторические формы религиозного экстремизма: от традиционализма к модерну // Ученые записки Орловского государственного университета. 2012. № 5. С. 114-123.
4. *Добаев И. П.* Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов н/Д., 2003. 416 с.
5. *Добаев И. П., Добаев А. И., Немчина В. И.* Геополитика и терроризм эпохи постмодерна. 2015. 370 с.
6. *Круглова А. Ю.* Социальная база деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур на Юге России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 1. С. 35.
7. Материалы пресс-конференции первого заместителя руководителя аппарата НАК И. В. Кулягина и официального представителя НАК, руководителя Информационного центра НАК А. С. Пржездомского на тему: «Противодействие терроризму: некоторые итоги и актуальные проблемы». [Электронный ресурс] URL: <http://nac.gov.ru> (дата обращения: 19.04.2019).
8. *Ханбабаев К. М.* Религиозно-политический экстремизм и терроризм в современной России (сущность, специфика проявления, профилактика) // Исламоведение. 2010. № 1. С. 62-63.

ISLAMIC EXTREMISM IN THE SOUTH REGION: SPECIFICITY AND MECHANISMS OF PREVENTION

© A. Yu. Kruglova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

In the article, the author reveals the essence of religious Islamist extremism in the South of Russia: its purpose, forms, and also the functions of Islamist network structures. It is emphasized that the main task of adherents of religious extremism is the recognition of their religion as dominant among others through compulsion to their system of values and dogmas. In addition, the author states that Islamist extremism in the southern region in the south of Russia was the result of a complex set of contradictions in the religious and political spheres, which became the forerunner of the socio-economic crisis, a difficult ethno-political and confessional situation. The article also presents the stages of the transformation of Islamic religious organizations, starting from 1991 – the beginning of the first Chechen company to the present, where these structures have changed from underground cells to openly operating armed groups. Due to cost savings and the political situation, modern Islamist organizations are not formed into multi-level cells: they are used as one-day gangs for a one-time action. The author examines the social base of Islamist structures, indicating the participation of young people from socially affluent and from the poor. At the end, measures for the prevention and counteraction to the illegal activities of Islamist network structures are given.

Keywords: Islamist extremism, ideology, radical Islam, the South of Russia, “takfir”, “jihad”.

REFERENCES

1. *Abisheva, M., Shaimergenov, T.* (2006) ‘Religiozno-politicheskii ekstremizm v stranakh Tsentral’noi Azii: analiz prichin rasprostraneniya’ *Tsentral’naya Aziya i Kavkaz*. [Religious and po-

- litical extremism in the countries of Central Asia: analysis of the reasons for its spread. Central Asia and the Caucasus]. No. 6 (64). P. 52.
2. *Bezborodov, M. I.* (2012) 'Profilaktika religioznogo ekstremizma kak vazhnaya sostavlyayushchaya sokhraneniya mira i obespecheniya bezopasnosti'. *Petrozavodskii gosudarstvennyi universitet* [Prevention of religious extremism as an important component of preserving peace and ensuring security. Petrozavodsk state University]. No. 1. Pp. 1-7.
 3. *Borisov, S. N. and Rimsky, A. V.* (2012) 'Kul'turno-istoricheskie formy religioznogo ekstremizma: ot traditsionalizma k modern'. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cultural and historical forms of religious extremism: from traditionalism to modernism. Scientific notes of the Orel state University]. No. 5. Pp. 114-123.
 4. *Dobaev, I. P.* (2003) *Islamskii radikalizm: genezis, evolyutsiya, praktika* [Islamic radicalism: Genesis, evolution, practice]. Rostov on Don, 416 p.
 5. *Dobaev, I. P., Dobaev, A. I. and Nemchina, V. I.* (2015) *Geopolitika i terrorizm epokhi postmoderna* [Geopolitics and terrorism in the postmodern era], 370 p.
 6. *Kruglova, A. Yu.* (2019) 'Sotsial'naya baza destruktivnykh islamistskikh i tyurksko-islamistskikh setevykh struktur na Yuge Rossii' *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Social base of destructive Islamist and Turkic-Islamist network structures in the South of Russia. Humanities, socio-economic and social sciences]. No. 1. P. 35.
 7. Materials of the press conference of the first Deputy chief of staff of the NAC I. V. Kulyagin and the official representative of the NAC, head of the NAC Information center A. S. Przhezdonsky on the topic: "Countering terrorism: some results and current problems". Available at: <http://nac.gov.ru> (date of request: 19.04.2019).
 8. *Khanbabaev, K. M.* (2010) 'Religiozno-politicheskii ekstremizm i terrorizm v sovremennoi Rossii (sushchnost', spetsifika proyavleniya, profilaktika)'. *Islamovedenie* [Religious and political extremism and terrorism in modern Russia (essence, specificity of manifestation, prevention). Islamic Studies]. № 1. Pp. 62-63.